

*С. М. Сороко,
кандидат филологических наук,
Полоцкий государственный университет
(Беларусь)*

ИДЕЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В хронотопе белорусской культуры, или ее собственном уникальном пространственно-временном измерении, можно отметить парадоксальные циклические процессы неоднократного возрождения. Так, белорусские историки рассматривают эпоху Возрождения конца XV – начала XVI в. в Европе не только как возрождение античных идеалов, но и как процесс формирования народных языков, развития национальных культур, в результате которого белорусская культура «включилась в европейский культурно-исторический процесс»; национальным возрождением называют рубеж XIX –XX вв. – период формирования политических партий, социал-демократических организаций и белорусского национального движения; десятилетие издания двухалфавитной белорусской газеты «Наша Нива/Naša Niwa» (1906–1915) связывают с национально-культурным возрождением Беларуси [1, с. 147, 168, 345–352, 363]. В данном контексте само возрождение выступает в виде абстрактного понятия, оторванного от сложной иерархической системы реальных ценностей и идеалов народа, поскольку непонятно, какие же конкретно идеи белорусов возрождались в такие разные исторические периоды времени.

В этой статье мы попытаемся в динамике информационных процессов раскрыть механизм возрождения православных духовных традиций на белорусских землях в составе Российской империи в XIX в. На основе современного информационного мировоззрения будем исходить из того, что культура любого народа является самоорганизующейся информационной системой (ИС), имеет собственное информационное пространство (ИП), которое в XIX в. трансформировалось одновременно с системой коммуникации.

В XVIII в. до 1830-х гг. в информационно-коммуникативной системе (ИКС) белорусско-литовских губерний наиболее влиятельным и массовым (по охвату коммуникантов) каналом и

средством коммуникации была католическая церковь. Она координировала информационные потоки в сферах науки, образования, просвещения, печати, библиотечной и издательской деятельности. Это можно утверждать на том основании, что церковь в Европе еще оставалась крупнейшим координатором культурно-просветительской деятельности, которая в основном была сосредоточена в университетах. До раздела Речи Посполитой и вхождения белорусских земель в состав Российской империи католики и униаты здесь составляли большую часть христианского населения [2, с. 5], а руководящие кадры униатского духовенства даже в начале XIX в. готовила Коллегия распространения веры в Риме, Главная духовная католическая семинария в Вильно, священников – униатские семинарии в Полоцке и Жировичах [2, с. 12].

Православие с X в. и на протяжении нескольких последующих столетий было традиционной религией восточных славян, славяне составляли 80% населения Великого Княжества Литовского [1, с. 163]. Униатскую церковь, постепенно отдаляющуюся от восточной православной культуры в результате переподчинения ее в 1596 г. от константинопольского патриарха папе римскому, белорусские историки рассматривают как «средство окатоличивания населения» [1, с. 258]. То есть в исторической динамике христианской культуры Беларуси можно отметить: начатый процесс возрождения православных традиций на белорусских землях в составе Российской империи XIX в. через ликвидацию униатской и польской католической культур на многовекторном микроуровне (личности) ИС края и был обратным процессу «окатоличивания православных» через униатство на землях Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой.

Рассматривать возникшую на основе православных духовных традиций униатскую церковь можно не только как политический компромисс в XVI в. двух социально-культурных систем, но и как попытку реализации экуменистической идеи – единства христианской культуры, которая на территории ВКЛ получила многочисленных сторонников среди элиты и простого населения. Белорусский исследователь культурного наследия униатской церкви А. Суша справедливо называет униатство «продуктом» синтеза духовных христианских традиций Востока и Запада, где особую роль играл диалог с установкой на понимание,

сопереживание, эмпатию, признание уникальности каждого субъекта [2, с. 58–59], или же личности. Отметим также, что при информационном подходе к анализу культуры как ИС униатская церковь выступает еще и как новое структурное формирование в ИП христианской культуры. Это важный момент, который может пояснить, почему униатская церковь не исчезла, а сохраняется в белорусской культуре и сегодня.

В XIX в. одновременно с русификацией происходила трансформация ИКС Северо-Западного края империи. Католическая церковь постепенно утрачивала господствующее влияние, но православная церковь не заняла ее место. Это можно объяснить тем, что церковь в целом перестала быть основной «опорной конструкцией» в ИКС края, поскольку из-под ее контроля вышли важные коммуникационные каналы – школы, библиотеки, издательства, которые стали светскими. Новым каналом коммуникации, постепенно усиливающим свою функциональную значимость в социуме, явилась система периодической печати, переросшая в СМИ на рубеже XIX–XX вв.

Научные исследования белорусского языка и культуры были только начаты. Этнографические труды Н. Я. Никифоровского, А. Е. Богдановича и многих других белорусских этнографов второй половины XIX в. подтверждают наличие в народной белорусской культуре пережитков фетишизма, анимизма, культа солнца, колдовства, суеверия, олицетворенного зла и иных языческих представлений. Присутствие в ней «осколков» и язычества, и практически всех христианских «ответвлений»/ структур – следствие открытости белорусской культуры для «духовных диссидентов», которых здесь понимали и принимали. Белорусская культура в XIX в. в целом была народной, представляла собой наиболее благоприятную среду для новаций, а в отличие, в первую очередь, от польской, русской, еврейской культур была *открытой информационной системой*.

Идея возрождения в необратимых процессах самообновления ИС культуры сопровождается неконтролируемым ростом энтропии, генерацией асимметричной информации, активизацией диссипативных (рассеянных) структур, когда хаос на микроуровне ведет к выходу на аттракторы и требует формирования новой структуры. Если новая структура не формируется, то наблюдается неосмысленное движение асимметричной информации по «замкнутому кругу». На примере белорусской культуры мы

обосновали это «синтетическое» явление как *информационный «процесс трясянки»* – по аналогии с явлением в белорусской лингвистике, – случайный отбор на микроуровне ИС культуры приемлемых ценностей позволяет системе не распадаться, а поддерживать состояние динамической неустойчивости [4]. Его вневременная особенность в ИП белорусской культуры: здесь никогда не укоренялась единая религиозная традиция, но и не исчезали уже сформировавшиеся структуры, каждая из которых потенциально может претендовать в будущем на возрождение. «Процесс трясянки» наблюдается при ускоренной динамике: ритм новаций не позволяет укорениться традициям, а диссипативные структуры не успевают включиться в системный процесс. На метауровне мировой культуры ИП такой культуры будет иметь вид пульсара, постоянно меняющего свою форму.

Русификация и идея возрождения православия на белорусских землях не способствовали автокатализу – единству ИП белорусской культуры на религиозном уровне, они разрушали устойчивую коммуникационную связь на элитарном уровне ИС Северо-Западного края между церковью и образованием. В то же время возрождение православных традиций сближало белорусскую и русскую культуры, способствовало их диалогу, постепенно отделяя белорусскую культуру от польской католической культуры. В ИП белорусской культуры идея возрождения православных традиций усилила многовековую веротерпимость белорусского народа. Отличительная особенность формирующегося в XIX в. ИП белорусской культуры – это функционирование в условиях полилингвизма, веротерпимости и свободы вероисповедания, инакомыслия, ускоренной культурной динамики и соответствующего им информационного «процесса трясянки».

1. *Гісторыя Беларусі* : вучэб. дапам. / Я. К. Новік [і інш.]. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – Ч. 1 : Ад старажытных часоў да лютага 1917 г. – 416 с.

2. *Канфесіі на Беларусі* (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

3. *Сарока, С. М.* Архітэктоніка інфармацыйнай прасторы беларускай культуры XIX – пач. XX ст. / С. М. Сарока. – Наваполацк : ПДУ, 2012. – 292 с.

4. *Суша, А.* Культурная спадчына ўніяцкай царквы ў Беларусі ў кантэксте дыхатаміі «Усход – Запад» / А. Суша // *Новае слова ў гісторыі і культуралогіі*

V Міжнароднага кангрэса беларусістаў, 20–21 мая 2010 г. / пад рэд. А. А. Сушы. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2012. – С. 58–65.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ